"Охота к перемене мест"

Зачем путешествовать в XXI веке?

Всегда надо начинать с Пушкина и заканчивать Пушкиным. Тем Пушкиным, от которого, по замечанию Набокова, в легких становится больше воздуха. Помните, в «Евгении Онегине»: «охота к перемене мест». И следом: «немногих добровольный крест».

По-прежнему «немногих»? Или в наше время путешествие стало еще одним «масс-продуктом»?

И что же путешествия, – это радость или крест? Или того и другого вперемежку?

Ожидания и неприятности

Мое представление о смысле путешествий сформировали, среди прочих, Пол Теру и В.С. Найпол. Мне особенно близка мысль Теру о том, что путешествие – это побег. «Путешествие – это когда сбегаешь, не попрощавшись, уходишь один по линии, процарапанной на карте, в забвение, в никуда. Зато книга путешествий – побег наизнанку: отскочив рикошетом от какого-то предела, одиночка возвращается, гипертрофированно-яркий, чтобы отчитаться о своем эксперименте с пространством. «Пишу книгу» – самый беспроигрышный предлог для того, чтобы собрать чемодан и сорваться с насиженного места. Путевой очерк – движение, упорядоченное путем его воспроизведения в форме текста».

И еще мне близка мысль Теру о том, что «путешествие как минимум наполовину состоит из ожидания и неприятностей. Автобусы ломаются, портье хамят, торговцы на рынках так и норовят обмишулить. Правда о путешествиях неожиданна и неказиста». Вот именно: неожиданна и неказиста.

То ли они добродушные, то ли сытые

Как турист становится путешественником? Я не знаю, как это происходит. И часто возвращаюсь из поездки с ощущением, что ничего не понял. С ощущением, что был там именно туристом – вроде ездил, что-то фотографировал. Фотографий осталось много, а понимания нет. Но иногда приходит вдруг ощущение: я что-то понял лучше. От продолжительности нахождения это не всегда зависит. Скорее, от степени погружения.

Но речь именно о погружении социальном. Потому что можно ведь погрузиться в созерцание природы Борнео, но ничего не знать про то, как там живут бывшие охотники за черепами. Из того, что они весело махали мне руками, а не попытались снять с меня скальп, когда я проезжал мимо на велосипеде, можно сделать какой угодно вывод: что они добродушные или то, что они сыты и им неинтересно или что угодно другое. Всё это не будет погружением, а лишь скольжением. Погрузиться удается только через насыщенное общение с местными жителями. Иначе этого не может произойти, иначе это иллюзия понимания, и не больше. Есть нации, застегнутые на все пуговицы, есть – открытые нараспашку, и есть я, который иногда стремится общаться, а иногда и нет. Порой мне и самому не хочется погружаться глубоко, а хочется поскользить туристом и сохранить свой мирок.

В качестве удачного примера вспоминаются поездки в Венесуэлу и на Кубу. Для погружения в них очень помогло пространство знакомого языка – в моем случае, испанского. И мне испанский нравится, и местным нравится, что со мной можно по душам поговорить. А общение через переводчика и гида – это всегда искажение. Хотя был у меня и обратный случай: Мьянма. Тоже пример, когда я думаю, что-то узнал лучше. Там, сами понимаете, не благодаря языку. По-английски бирманцы неплохо говорят, но на местных языках никак не говорю я. Но зато там у меня был не гид, а фантастика. Тот редкий случай, когда благодаря гиду начинаешь гораздо лучше понимать и страну, и людей, а не просто «достопримечательности» и «древности».

Был февраль, я сидел в Москве в офисе и чертыхался. Совещания затягивались допоздна. А у меня имелся неизрасходованный запас миль в Sky Team. После всех этих совещаний еще и стояли в пробке, валил снег, мой замечательный водитель, Константин Анатольевич, честно пытался продвигаться вперед, но я чувствовал, что пробка так же безнадежна, как московский февраль. Я набрал телефон наших московских операторов Sky Team и говорю: «Бесплатный билет в обмен на мили на Маврикий мне сейчас сможете найти? Нет? На Сейшелы? Нет?» Перебрал пять-шесть пунктов. «А до Каракаса есть?» «До Каракаса есть». Я говорю: «Давайте». «А даты?» «В принципе, неважно, давайте на ближайший рейс». Так я уехал в Венесуэлу. Был там и в глубоких джунглях, и на самом высоком водопаде, но пребывал в настроении общаться. А у людей было настроение общаться со мной. Венесуэла вообще рифмуется со спонтанностью. В результате, Венесуэлу и венесуэльцев я почувствовал лучше, чем многие другие страны.

Мьянма. Неполитический тур

Наличие фантастического местного гида с простым именем Чан помогло почувствовать, что в этой стране я именно путешественник, а не только турист. Что я действительно странствую и погружаюсь. Но найти такого человека – везение, это лотерея. Конечно, прежде чем заказать тур в агентстве, я прошу, чтобы мне направили резюме моих потенциальных провожатых. Но в итоге – приезжаете и выясняете, что тот, кого вы отбирали два месяца, заболел, и вам предлагают замену – «темную лошадку».

Первое время со стороны моего бирманского гида я чувствовал некоторую настороженность. Этот холодок только усилился, потому что, хоть в Янгон я и приехал туристом, первым делом встретился с нашим послом. И именно гид отвозил меня в российское посольство – совсем не с руки было настаивать на том, что я совсем уж обычный турист. Потом он мне говорит: «Я про тебя всё прогугловал, что мог найти в интернете». Я насторожился: я приехал страну посмотреть, а не себя показать. Но прошло несколько дней, и лед стал оттаивать. Чан, в прошлом преподаватель, обладал даром рассказчика и темпераментом революционера. Он понял, чего я хочу, и «погружал» меня в Мьянму: и на озере Инле, и в деревнях народности чин на западе, и среди отверженных рохинджа.

Идите в лес

Как изменить протоптанный, банальный ход путешествия «под себя»? Просто: свернуть с нахоженных троп. Если есть спутники – местные – которые помогают мне путешествовать, то мой рецепт – убедить их, что всегда лучше свернуть с протоптанной тропки. Или вообще забрести в глухой лес. Там и думается лучше, и говорится – если есть собеседник. И в буквальном смысле, – в джунгли. И в шекспировском:

«Разве лес

Не безопаснее, чем двор коварный?

Теперь готовься радостно к уходу.

Идем мы не в изгнанье, - на свободу».

Вот такой лес мне и понятен, и симпатичен. Лес – как синоним свободы.

Лаос. Люди леса

В Лаосе у меня был молодой провожатый – самоучка по имени Ун: очень старательный деревенский паренек, который сам выучил английский язык, стал ходячим словарем местной флоры и фауны. Эквиваленты некоторых названий по-английски не знал и я. В этой поездки поначалу я чувствовал сильный налет туризма: юноша добросовестно рапортовал мне обо всём, но упорно обходил тематику и какие-то на всю страну откровения. То ли он был слишком стеснителен, то ли политичекси грамотен. А скорее всего и то, и

другое сразу. И хотя путешествие по Меконгу и по северо-лаосским деревням не кажется обыденностью, туристический налет в энциклопедических справках Уна на меня давил. До тех пор, пока мы не свернули на нехоженые тропы в буквальном смысле – пока не пошли в поход по джунглям. Там Ун раскрылся: он же детство именно в таких джунглях провел, каждую травинку тут знал, и медицинские свойства этой травинки, и какая ягода отправит на тот свет за считанные секунды… В лесу он и принялся рассказывать свою историю, которая и стала впоследствии частью моей истории Лаоса – про свою семью, про свои представления о жизни. То же самое было и на Кубе, когда я забрался в национальный парк Александра Гумбольдта искать самую маленькую лягушку в мире, и у меня был такой же, как в Лаосе, молодой провожатый: стеснительный поначалу, общительный после того, как протоптали много по джунглям вместе. И совсем недавно похожая история повторилась среди джунглей и рек на юге Камбоджи. «Люди леса» лучше раскрываются именно в лесу.

Далекие углы карты

Объяснение всему ищи в детстве. Простая, казалось бы, истина. Вот и у меня интерес к краям карты мира появился тогда же. Мне было лет шесть-семь, когда я с бабушкой разглядывал географические атласы, и, быть может, карта была так повернута – в сторону Океании – как раз такого уголка мира, где атласы «обрываются». Сколько островов, островков раскидано по карте… а сколько их разбросано по Тихому океану? Читал журнал Вокруг света. С жадностью. Читал За Рубежом. И еще Известия: в середине семидесятых шла последняя волна деколонизации. Все «большое» деколонизировали. Настала очередь крохотных островов в океане. Я наслаждался экзотическими названиями. Острова Гилберта становились Кирибати (или, совсем правильно: Кирибасом). Или вот Новые Гебриды. В атласе они были раскрашены одновременно двумя цветами – британским и французским. Это же потрясающе – Англия и Франция одновременно управляют страной в какой-то Меланезии! Как они могли вместе управлять? Это значит, что там бардак постоянно был? Если две страны не поделили третью, а просто вместе ею управляли, то получался кондоминиум. Представьте, вам семь лет, и вы слышите слово «кондоминиум». Сразу начинаете копать, читать Вокруг Света. Слава Богу, в СССР всё это было – та же газета За рубежом переводила иностранные материалы не только на тему того, как мир и Новые Гебриды откликнулись на решение XXV Съезда КПСС, но и том, как там люди живут. А потом эти Новые Гебриды вдруг превращаются в Вануату. Даже сами эти слова цепляют. Возьмите «Самоа», – сколько здесь романтики. И Стивенсон. И Моэм. ! На фоне «Самоа» слово «Италия» смотрится бледно. Наверное, иногда подобный интерес идет от образов, даже от буквосочетаний, от линий на карте. Не только Новые Гебриды… вот еще Сен-Мартен, крохотный остров на Карибах. Одна часть французская. А другая – голландская. Много читал про Сейшельские острова, знал про них, наверное, все… нравилось мне читать и мечтать о гигантских черепахах, о коко-де-мер, о нетронутой Майской долине.

Потом к этому добавился и Сомерсет Моэм, – с раннего возраста был к нему приучен бабушкой. И он повлиял на меня по части тропических вирусов-пристрастий, – чего стоят его описания Паго-Паго и Борнео!

Ну и пришло время. Посмотрел на Сен-Мартен, перевалил пешком из «Франции» в «Голландию» на Карибах. Проехал на велике по Борнео. Плыл на пароме между Уполу и Савайи – двумя островами Самоа… И люблю возвращаться на Сейшелы, куда первый раз приехал в далеком 1993 году, когда российские туристы мало что про них слышали.

Марки Африки

Я был филателистом с шестилетнего возраста. Собирал исключительно марки Тропической Африки; и исключительно диких млекопитающих. Верблюдов выбрасывал. Вроде бы, «детская тема». Но чем дальше продвигалась коллекция, чем глубже я копал в каталогах, – тем менее детскими становились цены для новых приобретений. Особенно когда дошло до Бельгийского Конго, Либерии 19-го века, Эфиопии и французского Мадагаскара… Поэтому как я мог не съездить – уже во вполне взрослом возрасте – на Мадагаскар. Лемуров посмотреть. И на почту Антананариву зайти. Непременно.

Марки Бутана я никогда не собирал: Азия. Но как человек, имевший отношений к филателии, следил за марочным «Бутаном». Бутан выпускал марки, пахнущие духами, марки в форме пластинок (можно было, например, послушать речь короля, но одновременно и использовать как средство почтового обращения), марки

Гвинеи или Шарджи. Такие «сувениры» серьезный филателист никогда в свой кляссер не поставит. И я ими

брезговал. А когда приехал в Бутан, все-таки не удержался, накупил на почте в столице Тхимпху разных разностей. Вроде бы и не нужно мне для коллекции, – а будто на пиру побывал.

Школьником публиковался в журнале «Филателия СССР». Путь в редакцию, к метро Полежаевская, всегда поднимал мне настроение.

Money does not matter

Сувениров я уже стараюсь не привозить: когда позади около сотни стран, начинаешь понимать, что городская квартира имеет свои естественные ограничения. Все эти полочки… Рано или поздно возникает ощущение, что материальных сувениров, в общем-то, уже хватит. Осталось не так уж много стран, где делают свои неповторимые ремесленные изделия, а не продают китайскую штамповку: Лаос, Бутан, Гватемала… В Мьянме, где бывал не один раз, всегда сбивался на жуткий шопоголизм. В этом смысле money does not matter, но не потому, что я был готов заплатить любую сумму, а потому, что самый ценный сувенир оттуда вполне позволителен. Из Мьянмы я много чего привез, но одно из лучших, что удалось найти – фотографии местных фотографов. Они показались мне замечательными. Я уважаю хороших фотографов и в любом случае люблю посмотреть на их работы. Реже – привезти с собой.

Интересуют лица

Фотографировать мне нравится, но я совершенно четко знаю, что я непрофессиональный фотограф: не обучен. Надо учиться.

В фотографии меня больше всего привлекает жанр портрета. Лица! Приходишь в шесть утра на базар и все, «улов» гарантирован.

Идеал природы

А вообще моя любимая природа – это не тропический лес. А Подмосковье. Куда я ни еду, я всё равно хочу вернуться в свой Звенигород. Мне никогда не снятся Альпы. Мне редко снятся джунгли. Мне часто снится Москва-река в районе Саввино-Сторожевского монастыря… Шихово… Луцино… Мостик к селу Каринскому. Верхний Посад. Городок, на котором – Успенский собор. Особенно часто такие сны приходят, когда я вдалеке от Родины. Просыпаясь, остро ощущаешь понятие «чужбина». И просто хочется поскорее добраться до Звенигорода. Даже если он в тринадцати часовых поясах от меня.

Лес и лес, и лес, и лес

10 лет назад я поехал по Амазонии – съездил на конгресс в Рио-де-Жанейро, а дальше рванул до Манауса. Плыл на маленьком кораблике под названием «Эль Тукано». Нас там было дванадцать пассажиров. Плюс команда. Плыл «Тукан» неделю в глубины притока Амазонки, Риу-Негру. Я был в совершенном нетерпении накануне посадки на корабль, – никогда до этого не был в Амазонии. Но надо прямо сказать, что с точки зрения дикой природы поездка оказалась разочарованием. Притом, что нас сопровождали два гида-профессионала, которые в пять утра будили группу, высаживали на берег и водили глядеть, как просыпается природа. И в «ночное» мы отправлялись… На всех экскурсиях нам называли все ботанические названия, рассказывали про любой фрукт. Так почему же разочарованием? Потому, что это лес и лес, и лес, и лес. Река, река, река, река. Вы высаживаетесь, и вы смотрите этот лес и эту реку. Где-нибудь наверху лежит ленивец – так его даже не сфотографировать. А он на то и ленивец, что вам не позирует и к вам не спускается. Вы идете, идете и ничего не видите, кроме леса. Ну в тайге похоже. В плане ощущений вы не обнаруживаете, что побывали в Амазонии. Рассчитывал увидеть дикие племена, но к индейцам нас не повезли, – оказалось, что они все в резервациях и белых видеть не хотят. Нас привозили в пару-тройку деревень, где живут каболко – полукровки: на безрыбье их поснимал на камеру, но ярких впечатлений не получил.

А вот самые всего в мой поездке я запомнился людьми, которые были на корабле. Это были очень интересные люди со всего мира: владелец уранового рудника из Намибии, шведский профсоюзный лидер, поэт

из Вайоминга, психотерапевт из Голландии…

С некоторыми из них я подружился и дружу до сих пор. Я думал, что мне это общение с попутчиками будет совершенно не нужно: ну посмотрю природу, запрусь у себя в каюте, разберу фотографии. Но произошло всё ровно наоборот. На той палубе наша дюжина обсудила массу интересных идей и книг: столько хороших книг, мне, возможно, не советовали и за все годы жизни. То есть бывает и так: ждешь индейцев и лес, – а получаешь философский тур.

Идеальный попутчик

Идеально путешествовать одному. Потому что так ты наиболее остро и жадно воспринимаешь окружающую тебя действительность. А ещё идеальный попутчик – хорошая книга. Я же не зря начал с Пушкина. Вот томик Пушкина, – идеальный попутчик и есть.

А поехали на Гавайи?

Мы сидели с Александром Никитиным в баре в Алма-Ате – дело было в конце 90-х годов, – и он вдруг говорит: «А поехали через неделю на Гавайи?». Пагуошская конференция; ядерное разоружение; всё профильно. Не просто на Гавайях, не в Гонолулу, а в Хило, - на Биг Айленде. «А почему там-то, это же даже не столица?» – спросил я. А он мне говорит: «Равно далеко от всего». Мне понравилась концепция мероприятия – до сих пор жду, что будет еще какая-нибудь конференция «равно далеко от всего». Может быть, теперь на острове Раротонга в честь одноименной зоны, свободной от ядерного оружия?

Мы провели замечательную конференцию, многие из пагуошцев до сих пор ее вспоминают: Саша музицировал – почти как в фильме – пианино на берегу океана, занавеси развеваются. После заседаний мы были сильно утомлены, но поднялись-таки к заснеженной вершине, где люди на лыжах катаются… на Гавайях. Саша мне говорит: «Ты что, мы только начали! Завтра с утра полетим на другой остров, на Кауаи». «Да зачем, и так уже много увидели!» – пытаюсь поспорить я. «Нельзя, раз мы здесь, надо увидеть ещё что-то». «Никуда не полечу!» – настаиваю я. Это к вопросу о том, что у каждого есть свой предел любопытства к путешествиям, – у меня он, как выяснилось, далеко не самый высокий. «Ну хорошо, давай хоть вулкан посмотрим, как лава выливается?» – предлагает он. «Ну ладно», – в свою очередь соглашаюсь я. План был такой: в шесть утра встанем, наймем вертолет, с него и поглядим на лаву, на вулкан... Вертолетов не было, зато был самолет: пилот и нас двое. А лететь на таком самолете, вверх-вниз… натощак… сказать испытание – ничего не сказать. Мучение это было. Зато на лаву посмотрели. Тогда впечатление было тяжким. Зато сейчас вспоминаю всё это с колоссальным удовольствием.

Думаю, так оно часто и происходит с путешествиями. Время, будто ластик, стирает суету, горечь, дискомфорт. На первый план выходят «попугаистые», яркие цвета, – как на тропических открытках. Но тут появляется риск фальши. Все-таки о путешествиях надо рассказывать без ретуши. Сейчас вот – рассказываю вам «без галстука», будто бы поток сознания; но сознание многое «заретушировало» в этом нашем разговоре. Заблокировало. Как-нибудь сяду все-таки, напишу про некоторые путешествия «как оно было». Без ретуши.

Интервью: Альберт Зульхарнеев, Адлан Маргоев, Юлия Сеславинская, Юлия Сыч, Юлия Цешковская

Отредактировала: Юлия Сеславинская

Тел.: +7 (495) 987-19-15
Адрес для писем: Россия, 119019, Москва, а/я 147

ПИР-Центр 2021 год. Все права защищены.
Разработан ИССАрт.

loading
Ошибка?